

ЗИНАИДА ГИППИУС

ДО

ВОСКРЕСЕНЬЯ

Зинаида Гиппиус

До воскресенья

«Public Domain»

1926

Гиппиус З. Н.

До воскресенья / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1926

«...На «рю Дарю» слишком хорошо поют. Слишком! Ах, знаю, чего вы от меня ждете: начну сейчас вспоминать деревенскую церквушку на родине, да как я туда к Светлой заутрени ходил, да как талой землей пахло, а народ, в это время, со свечечками... Но у меня никаких подобных воспоминаний нет. В деревне я ранней весной не бывал, в церковь меня в детстве не водили, только в гимназии, в гимназическую; а там какая уж трогательность! Рос в городской, интеллигентно-обывательской семье и сам вышел интеллигентом-обывателем: всем интересовался – понемногу; в университете преимущественно политикой (в такой кружок попал), но тоже не до самозабвенья. Церковью и религиозными вопросами не интересовался никогда. На этот счет уж было установленное мнение, его мы и держались...»

© Гиппиус З. Н., 1926

© Public Domain, 1926

Зинаида Гиппиус До воскресенья

...На «рю Дарю» слишком хорошо поют. Слишком! Ах, знаю, чего вы от меня ждете: начну сейчас вспоминать деревенскую церквушку на родине, да как я туда к Светлой заутрени ходил, да как талой землей пахло, а народ, в это время, со свечечками... Но у меня никаких подобных воспоминаний нет. В деревне я ранней весной не бывал, в церковь меня в детстве не водили, только в гимназии, в гимназическую; а там какая уж трогательность! Рос в городской, интеллигентно-обывательской семье и сам вышел интеллигентом-обывателем: всем интересовался – понемногу; в университете преимущественно политикой (в такой кружок попал), но тоже не до самозабвения. Церковью и религиозными вопросами не интересовался никогда. На этот счет уж было установленное мнение, его мы и держались.

Кончил университет, надо было в военную школу идти, но тут как раз случилась революция, я и остался. И почему-то мы, т. е. я и некоторые из нашего кружка, очутились в левых эсерах. Главный был Гросман, а другие, особенно я, так, сбоку припека. После октября завертело, и вскоре я всех из виду потерял. Долго рассказывать, ну, словом, через год, или меньше, – я и сам не знал, кто я такой, не до левого уж эсерства, а просто чувствовал себя зайцем, которого травят и все равно затравят. Сидел подолгу и как-то, случайностью чистой, оказывался на улице. Но теперь знал: попаду в третий раз – кончено. А не попасть было нельзя: такое время наступило, что стали брать решительно всех и отовсюду, из домов, с улиц, с базара, из-под моста, из театра – значит, не скроешься. Я уж почти и не скрывался. Не жил, правда, нигде, – то на барке заночую, а то попросился раз к хозяйке знакомой, девицы у нее разбежались, – а ее еще не трогали. Во второй раз, впрочем, не пустила.

И завяз я в тоске. Такая тоска, и не она во мне, а именно я в ней сидел. Смотрю сквозь нее на все, как сквозь желатин, – и все мне омерзительно, и панель, и дома, и большевики... Хожу тоже как в густом желатине: ноги едва двигаются. Раз подумалось: это предсмертная тоска; верно, такая она и бывает.

Наконец, взяли.

Я предполагал, что сейчас и конец. Однако держат. Допросов не было, время уж очень горячее, некогда. Такое горячее, что в камеру к нам все подваливали, да подваливали, без всякой меры. Я привык за прежние разы, – и ко всему уже привык: меня никто не мог бы от прочих оборванцев отличить, а главное, я сам себя как-то не отличал; но тут становилось тяжело. Они и сами, верно, увидали, что некуда: начались выводы. Я опять подумал, что в первую партию угожу, – давно сидел, – да они, черт их знает, по какому порядку выбирали, заметить было нельзя.

Сначала разгружали тихо, только чтоб с новыми не прибавлялось, но зато после, как пошло, – беда. Камера, конечно, стала бешеная, не выдерживали. Утром еще туда-сюда, а ближе к ночи – вой, плач, хохот. Были и совсем помешанные. Это всегда так, это и раньше я видел, но тут уж дошло до чрезвычайности.

В крайнем углу у нас было трое тихих. Один большевик, столяр, толстоносый: все шепотом, страшно, ругался и повторял: – «это не большевики, я сам большевик, это живорезы! Сказал – и еще скажу!» Но тут же плакал. Другой – мальчик, паршивенький, дикий. Молчал, как немой, озирался, и вдруг задрожит – целый час продрожит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.